

3. Викс, Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Т. Виск // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М. : Новое издательство, 2005. – 696 с.
4. Довгялло, Д. И. Преподобная Евфросиния, моли Бога о нас! / Д. И. Довгялло // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 102.
5. Долбилов, М. Д. «Царская вера»: массовые обращения католиков в православие в Северо-Западном крае Российской империи (1860-ые гг.) / М. Д. Долбилов // Ab Imperio – 2006. – № 4. – С. 225–270.
6. Житие Преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, Игуменнии Обители свят. Спаса в Полоцке // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 12.
7. Издевательства и наглость католиков (письмо в редакцию) // Минское слово. – Минск, 1910. – № 1001.
8. К перенесению мощей // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 71.
9. Крестные ходы // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 105.
10. Матюшенский, А. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1909. – № 16.
11. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм / А. И. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
12. Миллер, Е. Н. Пред игуменьей теткой с жаркой мольбой... / Е. Н. Миллер // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – Вильно, 1910. – № 9.
13. Митроцкий, М. Шествие св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк, по Днепру / М. Митроцкий // Киевские епархиальные ведомости. – Киев, 1910.
14. Овсянников, Е. Слово в день Священного Коронования Их Императорских Величеств / Е. Овсянников // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 28.
15. Шавельский, Г. На торжестве перенесения мощей преп. Евфросинии в гор. Полоцк / Г. Шавельский // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 33.
16. I. К. Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно, 1909. – № 24/25.

Гуларян А. Б.
ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА А. М. СИВЕРСА
КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИЙ

В 2019 году московское издательство «Кучково поле» подготовило и опубликовало хранившиеся в ГА РФ личные дневники генерал-лейтенанта Александра Михайловича Сиверса (1868 г. – после 1931 г.), участника Первой Мировой войны, современника Февральской и Октябрьской революций в России. Издание было осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-19-00279). В книгу вошли дневниковые записи генерала А. М. Сиверса с 19 октября 1916 г. по 31 декабря 1919 г., что сразу делает их важным источником по истории России и Беларуси, на территории которой в 1916–1917 гг. шли ожесточенные военные действия. Представляется, что генерал А. М. Сиверс вел дневник, как минимум, с начала войны, но более ранние тетради дневника, к сожалению, утрачены. Дневник снабжен необходимым научным аппаратом: комментариями, приложениями, именным указателем.

А. М. Сиверс родился 28 декабря 1868 г. в семье генерала от артиллерии Михаила Александровича Сиверса и его жены, Надежды Григорьевны, урожденной Бланк. После окончания Пажеского корпуса Александр Сиверс вышел подпоручиком в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду с прикомандированием к Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. За тридцать лет службы он прошел все ступени военных чинов: подпоручик гвардии (старшинство с 09.08.1888), поручик (ст. 09.08.1892), штабс-капитан (ст. 02.04.1895), капитан (ст. 05.04.1898), полковник (ст. 28.03.1904), генерал-майор (производство 1911; старшинство с 07.10.1911; за отличие), генерал-лейтенант (производство 23.12.1915; старшинство с 07.10.1915) [4]. Карьере способствовало окончание с хорошей аттестацией Офицерской артиллерийской школы в 1905 г. В служебном отношении карьера А. М. Сиверса связана с двумя подразделениями: Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригадой и 14-й артиллерийской бригадой. Но сам, в своих дневниках А. М. Сиверс связывает себя именно с «Лейб-гвардии Второй», где он был последовательно командиром батареи, командиром дивизиона, и, наконец, командиром самой бригады. В 14-й бригаде он два года проходил необходимый «ценз» командования.

Военная звезда А. М. Сиверса взойшла осенью 1914 г. в боях под Ивангородом, за которые он был награжден орденом Св. Георгия IV степени и представлен к званию генерал-лейтенанта. Как сказано в представлении к награде: *«За то, что с отличным мужеством руководил под сильным огнём блестящими действиями бригады в боях под Ивангородом с 9 по 14 окт. 1914 года, когда, распрелелив батареи, вместе со своей дивизией выдержал всю тяжесть натиска австрийцев на линию Новая Весь, Старая Завада, Коцошки и чрезвычайно метким огнём отразил повторные атаки неприятельской пехоты, принудил к молчанию ряд неприятельских батарей и тем сильно способствовал переходу в наступление и общему успеху боя»* (Высочайший приказ по военному ведомству от 31. 01. 15.) [2]. В апреле 1915 г. А. М. Сиверс назначается исполняющим должность инспектора артиллерии 20-го армейского корпуса, а еще через год, в апреле 1916 г. он стал инспектором

артиллерии 10-й армии [3, с. 794, 812], и в этой должности вышел в отставку. По времени эта отставка совпала с октябрьским переворотом в Петрограде, и за заключением Брестского мира генерал следил уже как сторонний наблюдатель.

Официальная биография А. М. Сиверса сообщает, что после Октябрьской революции 1917 г. он служил в РККА, а потом стал преподавателем одного из московских вузов. В 1931 г. был арестован и приговорен к ссылке по печально знаменитому делу «Весна», которую отбывал в городе Данилове. 17 сентября 1931 г. ему было разрешено переехать к родным в Ярославль, после чего его следы теряются. Неизвестна и точная дата смерти генерала [1, с. 440].

Опубликованный дневник позволяет уточнить многие детали биографии его автора. Именно из дневника мы узнаем, что А. М. Сиверс работал в 1910–1911 гг. в комиссии П. П. Потоцкого по пересмотру военных уставов. Из дневника также явствует, что после отставки А. М. Сиверс переезжает из Петрограда в Москву, где поступает на службу Советской власти, сначала – председателем Центральной демобилизационной комиссии при ЦУС, потом – членом Комиссии по пересмотру уставов, заместителем начальника, затем – начальником Тяжелой артиллерии особого назначения РККА и, наконец, начальником Высшей артиллерийской школы.

В 1925 г. А. М. Сиверс переслал шесть тетрадей своих дневников в Прагу профессору С. В. Завадскому через полномочного представителя Чехословацкой республики в Москве Иосифа Иосифовича Гирса. В сопроводительном письме на имя С. В. Завадского генерал Сиверс просил последнего сохранить эти дневники у себя или передать их в надежное хранилище «до падения Советской власти». Он также оставлял за собой право вытребовать свои дневники через И. И. Гирса или лицо по его указанию. Если же до 1950 г. его дневники не будут востребованы, то тогда их можно будет напечатать. В настоящее время, с промедлением в шестьдесят семь лет, это желание генерал-лейтенанта А. М. Сиверса выполнено.

Дневник, хранившийся первоначально в Праге, у профессора С. В. Завадского, а после поступивший в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 795–800), представляет собой шесть тетрадей, исписанных уборым почерком простым грифельным карандашом. Кроме текста на страницах помещаются рисунки, сделанные самим А. М. Сиверсом а также вклеены вырезки из газет с сообщениями, которые генерал посчитал важными. Кроме того, дневник имеет отдельное приложение, состоящее из газетных вырезок и фотографий, вклеенных в конце тетрадей. Человек пунктуальный, А. М. Сиверс заносил записи в дневник практически ежедневно, что повышает его ценность для историков.

Генерал оказался современником событий, перевернувших жизнь нашей страны и ставших водоразделом между ее новой и новейшей историей. Он был свидетелем последних неудачных попыток Русской императорской армии организовать наступление на Западном фронте, на территории современной Беларуси; участвовал в подготовке последнего, неудачного Июльского наступления, предпринятого Временным правительством; стал свидетелем развала старой армии. Февральская революция, корниловский мятеж и октябрьский переворот прошли мимо А. М. Сиверса «по касательной». Но для историков могут быть интересны восприятие и оценка этих событий, зафиксированные в дневнике.

Зафиксировано оказалось многое – прежде всего, характеристики людей, с которыми встречался Александр Михайлович. И в этом отношении дневник А. М. Сиверса уникален, ибо содержит личные впечатления от общения со знаковыми фигурами Белого движения и Красной Армии. Из будущих «белых» генералов судьба сводила Сиверса с А. И. Деникиным, А. С. Лукомким, И. П. Романовским, С. Л. Марковым, В. Н. Шокоровым, В. Г. Болдыревым, С. Н. Войцеховским. Среди строителей РККА ему были известны генералы А. А. Балтийский, П. П. Лебедев, Н. Н. Стогов, А. Е. Гутор, А. А. Самойло, братья Смысловские. Кроме этих людей, разведенных революцией по разные стороны баррикад, в дневнике Сиверса описаны такие нетривиальные фигуры, как великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующим; генерал И. Р. Довбор-Мусницкий, генерал-лейтенант русской службы и генерал брони Войска Польского; генерал-майор Али-Ага Шихлинский, инспектор артиллерии Западного фронта; генерал-лейтенант Р. А. Дурляхов, выдающийся военный инженер и конструктор лафетных установок, и целый ряд других выдающихся современников.

Не менее интересны факты, касающиеся ведения войны, армейского управления и строительства, изложенные в дневнике. Развала еще нет, но деятельность штабов по своим последствиям очень близка к развалу: Главнокомандующий армиями Западного фронта, генерал А. Е. Эверт раз за разом отменяет наступления, подготовленные его подчиненными. Это вызывает раздражение и непонимание не только у солдат, но даже у старших офицеров и у генералов. Как очень тревожный симптом А. М. Сиверс отмечает, что война превратилось в рутинное дело, в повседневность, с помощью которой можно решать свои дела: строить карьеру, подсиживать конкурентов

и наживать состояние. С возмущением он говорит о поведении предпринимателей и спекулянтов в тылу. Вместе со всеми радуется концу «распутинщины».

Занимаясь подготовкой вверенной ему артиллерии для намечавшегося весеннего наступления, А. М. Сиверс пропустил начало Февральской революции в Петрограде. Ее события он описывает со слов гродненского вице-губернатора, при этом пересказ не носит ярко выраженной эмоциональной окраски. Генерал переписывает в свой дневник отречение царя, отречение его брата и приказ о вступление в должность Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича Младшего. И это заставляет задуматься над позицией «младших» Великих князей и членов Государственной Думы, придавших своими действиями видимость легитимности государственному перевороту.

Эмоциональная окраска появляется позднее, когда А. М. Сиверс описывает разложение старой царской армии весной и летом 1917 г.: отмена наказаний, митинговая демократия, шельмование (в том числе в газетах!) офицеров и генералов. Но и здесь дневник Сиверса добавляет несколько любопытных штрихов. Столичный лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» солдаты восприняли как разрешение не наступать, и «главноуговаривающему» А. Ф. Керенскому и его приближенным пришлось потратить немало времени и сил, чтобы организовать Июльское наступление. Тем более что одетые в солдатские шинели крестьяне думали не о победе, а о начавшемся в тылу стихийном переделе земли. Дневник Сиверса зафиксировал это в виде ответа одного из солдат в разговоре с командующим 10-й армией: *«Мы все понимаем, что надо наступать, да боимся сказать это слово; сейчас свобода, там дома дают землю, а мы здесь в это время будем подставлять под пули свой лоб»* [5, с. 182–183].

Именно в это время судьба свела А. М. Сиверса с одним из будущих руководителей Белого движения, генералом А. И. Деникиным, который был назначен Главнокомандующим армиями Западного фронта для организации и проведения Июльского наступления. Отношение к новому начальнику сложилось у А. М. Сиверса прохладное: с его точки зрения генерал Деникин не справился с задачей подготовки фронта к наступлению. Вместо того чтобы заняться своими прямыми обязанностями – обеспечением фронта всем необходимым для наступления, включая литерные орудия большой мощности, литерные снаряды к ним, авиационный бензин и паровозы с вагонетками, в которых так нуждался инспектор артиллерии А. М. Сиверс, Деникин непрерывно требовал отчеты и совершал многочисленные поездки в корпуса, которые не успокаивали, а наоборот, будоражили солдат. Именно во время одной из таких поездок и произошел резонансный случай с избиванием солдатами особого уполномоченного Исполкома Петросовета Н. Д. Соколова. Что в свою очередь привело к замене за шесть (sic!) дней до начала наступления командующего 10-й армией генерала Киселевского генералом П. Н. Ломновским. В результате Июльское наступление провалилось.

Именно поэтому после Октябрьской революции А. М. Сиверс пошел на службу к большевикам, которых откровенно не любил, а не присоединился к Белому движению. Он не верил, что такие люди как Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин, А. И. Деникин могут довести войну с большевиками до победного конца: *«Никакой Каледин, никакой Корнилов не в состоянии сейчас что-нибудь сделать. Их гражданская война какая-то мертвая. По-моему, у них нет большой силы, мне кажется, что для того, чтобы серьезно что-нибудь изменить, надо подготовить все основательно, а затем быстро и решительно приводить в исполнение. Успех окрыляет и производит впечатление, тут возможно ожидать, что шествие будет победоносное. Тихая же война с переменным счастьем скучна и может скоро надоесть, а тогда уже и успеха ждать трудно. Все будут тяготиться и понемногу откалываться, и опять Каледин и Корнилов останутся у разбитого корыта, как это уже было с Корниловым»* [5, с. 337]. Эту запись в дневнике А. М. Сиверс сделал 20 декабря 1917 г., еще до начала военных действий Добровольческой армии.

Но и с большевиками у старого генерала не получилось ни любви, ни дружбы, несмотря на занимаемые им высокие должности. Внимательный читатель может заметить, что, после установления Советской власти, дневник А. М. Сиверса становится все суше и суше, в конце вообще превращаясь в короткие, в одно предложение, календарные записи. При этом автор уходит в частную жизнь, описывает тревожения, связанные с дороговизной товаров, недоступностью продуктов, бытовыми лишениями, и даже скандалами с соседями, тщательно при этом обходя политику стороной. При этом А. М. Сиверс в описываемое время занимал ряд ответственных постов при Всероглаштабе, входил в Уставную комиссию и, по ее поручению, составлял новые артиллерийские уставы. То есть занимал положение, позволявшее быть в курсе всего происходящего в стране. Но вот как раз «всего происходящего» в дневнике нет. Короткий сухой отчет: где был, с кем встречался, кто ушел из Всероглаштаба, кто занял его место.

Подобная позиция автора имеет объяснение: Сиверс подчеркивает свою аполитичность именно потому, что осознает, что его тетради в любой момент могут попасть в чужие руки. При этом изменение авторской позиции произошло не вдруг, а постепенно. В декабре 1917 г.,

да и в марте 1918 г. А. М. Сиверс продолжает критиковать уже новую Советскую власть за развал старой армии, возмущается подписанием Брестского мира, следит за дискуссией вокруг планов создания новой армии, оставаясь при этом пессимистом. Но... Убит главком Духонин... Начинаются аресты и убийства высших офицеров старой армии. Возникает институт заложничества. Появляются концлагеря. Арестован зять Сиверса, М. И. Дунин-Борковский, осужден и посажен в концлагерь до «конца гражданской войны». На наше счастье, в подобной ситуации А. М. Сиверс не уничтожил свои дневники, но он изъяс из приложения к дневнику многие «исторические документы», как он их называл: вырезки статей из газет, телеграммы, приказы, а сам дневник до предела «засушил». Так, исчезли газетные статьи о семье последнего русского царя, приказы А. Е. Эверта и Л. Г. Корнилова. Исчезло все, что могло спровоцировать лишние вопросы к автору дневника, если бы автор был вдруг арестован. А сам автор натянул на лицо маску «незаинтересованного обывателя».

Тем не менее, дневники генерал-лейтенанта А. М. Сиверса являются важным источником по истории Первой Мировой войны и революции. Благодаря публикации издательства «Кучково поле» они стали доступны широкому кругу исследователей.

1. Волков, С. В. Офицеры российской гвардии / С. В. Волков. – М., 2002. – 571 с.
2. Высочайшие приказы по военному ведомству // Разведчик. – 10.03.1915. – № 1270.
3. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне / К. А. Залесский. – М., 2003. – 894 с.
4. Сайт «Русская армия в Великой войне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/person/984>.
5. Сиверс, А. М. Дневник. 1916–1919 / А. М. Сиверс / сост. А. Б. Гулярян. – М.: Кучково поле, 2019. – 800 с.

Бароўка В. Ю.
АКСІЯСФЕРА САЛДАТА ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ТВОРАХ
“НА ІМПЕРЫЯЛІСТЫЧНАЙ ВАЙНЕ” М. ГАРЭЦКАГА
І “НА ЗАХОДНІМ ФРОНЦЕ БЕЗ ЗМЕН” Э. М. РЭМАРКА

Мастацкія творы – адмысловая гістарыяграфічная крыніца. У знакамітай працы “Аб мастацтве паэзіі” Арыстоцель зазначаў адрозненні паміж літаратурай і гісторыяй, падкрэсліваў, што “задача паэта гаворыць не пра тое, што сапраўды адбылося, а пра тое, што магло адбыцца, значыць, пра магчымае па верагоднасці ці па неабходнасці. Менавіта гісторык і паэт адрозніваюцца [адзін ад аднаго] не тым, што адзін карыстаецца памерамі, а другі не: можна было б перакласці вершам працы Герадота, і тым не менш яны былі б гісторыяй, як з метрамі, так і без метра; але яны адрозніваюцца тым, што першы гаворыць пра тое, што сапраўды адбывалася, а другі – пра тое, што магло б адбыцца. Таму паэзія філасафічнай і сур’ёзнай гісторыі: паэзія больш гаворыць пра агульнае, гісторыя – пра адзінкавае” [1, с. 67–68]. Сапраўды, літаратурны твор утрымлівае мастацкія абагульненні, што дазваляе перадаць агульнае праз прыватнае.

“На імперыялістычнай вайне” (1926) беларускага пісьменніка Максіма Гарэцкага і “На Заходнім фронце без змен” (“Im Westen nichts Neues”) (1929) нямецкага пісьменніка Эрыха Марыі Рэмарка – эстэтычнае ўвасабленне ваенных падзей, псіхалогіі, каштоўнасцей уяўленняў чалавека на вайне. Гэтыя творы былі напісаны людзьмі, што непасрэдна ўдзельнічалі ў так званай Вялікай вайне. Галоўны герой у “На імперыялістычнай вайне” Лявон Задума падобны да галоўнага героя “На Заходнім фронце без змен” Пауля Боймера. Абодва яны маладыя, гэта людзі з абвостраным успрыманням свету, з творчымі схільнасцямі, з аналітычным складам мыслення. Лявон Задума – інтэлігент у першым пакаленні, які цікавіцца літаратурай, Пауль Боймер – таксама інтэлігент у першым пакаленні, што любіць літаратуру, спрабуе свае сілы ў паэзіі і драматургіі. Лявон яшчэ ў мірны час апынуўся ў арміі, ён хацеў скараціць час знаходжання на тэрміновай службе, таму пайшоў служыць дабраахвотна. Пауль Боймер разам са сваімі школьнымі сябрамі дабраахвотна пайшоў на фронт, калі пачалася вайна, каб служыць радзіме, абараняць, як яго ўпэўнівалі і ў што на самым пачатку верыў сам, яе інтарэсы. Абодва героі ваююць на Заходніх франтах: Лявон Задума – супраць немцаў на тэрыторыі Літвы і Прусіі, Пауль Боймер – супраць найперш французай. Супастаўленне аксіясфер салдат рускай і нямецкай армій падчас Першай сусветнай вайны, увасабленых у мастацкіх творах, дае магчымасць прасачыць асаблівасці ўспрымання свету людзьмі, што вымушаны былі прызвычайвацца да новых абставінаў свайго існавання.

Твор “На імперыялістычнай вайне” з падзагалоўкам “Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы” літаратуразнаўцы звычайна адносяць да жанру апавесці, вядомы даследчык творчасці М. Гарэцкага М. І. Мушынскі называў “На імперыялістычнай вайне” мастацка-дакументальнай кнігай, артыкулюючы менавіта дакументальны пачатак у творы. Лявон Задума – гэта чалавек мірны і міралюбівы. Галоўнай каштоўнасцю чалавека, што апынуўся на вайне, Лявон, як і яго баявыя таварышы, лічыць чалавечае жыццё. Значнасць жыцця